

УДК 13:141.5:17.02

В.В. Кузнецов

ФИЛОСОФИЯ ДОСТОИНСТВА

Современная философия исходит из того, что постановка вопроса о моральных ценностях затрагивает проблему сущности человека. Сущностное бытие человека оказывается возможным только как бытие достойное. Предназначение этики, одной из наиболее фундаментальных наук, состоит не только в том, чтобы размышлять о достойном бытии, но и в том, чтобы побудить человека к такому бытию. По суждению Аристотеля, «...наша наука не имеет целью теорию (знание), как другие науки (ведь не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми: в противном случае наука наша была бы бесполезной)» [1, с. 170]. Если этическое познание неизбежно стремится к нравственному улучшению бытия, то, по мнению Н.А. Бердяева, в основании этики, которая является одной из центральных наук о духе, лежит нравственный опыт, как и в основании философии вообще, только тогда она имеет ценность. Этика — наука не только о ценности, она есть не только аксиология. Этика рассматривает ценность как мощь, верховное благо, как источник всякой силы: она есть также онтология [2, с. 45].

Проблема достоинства человека — неотъемлемая часть более широкого вопроса о сущности человека. Под этим подразумеваются неизменные черты, которые присущи человеку со времени завершения его биологической эволюции независимо от исторического процесса. Людям разных эпох свойственны некие общие черты, выражающие особенность человека как живого существа. Философы приходят к выводу, что среди человеческих качеств есть определяющие, имеющие принципиальное значение. Постичь сущность человека означает вы-

явить его доминирующие черты, раскрыть собственно человеческое в человеке. Важнейшим качеством человека, имеющим, по нашему мнению, сущностное значение, является человеческое достоинство. Но философское постижение человека осуществляется не просто через реконструкцию его сущностных характеристик, а через осмысление человеческого бытия в мире. Исследование достоинства раскрывает саму сущность бытия. По мысли Бердяева, в человеке скрыты загадка познания и загадка бытия. Именно человек есть «то загадочное в мире существо, из мира необъяснимое, через которое только и возможен прорыв к самому бытию». Антропологизм в философии, по мнению Бердяева, должен быть повышен в своем качестве, так как он изначально онтологичен.

Интерес к этосу особенно возрос в настоящее время в условиях, когда не работают классические этические конструкции: ни категорический императив И. Канта, ни христианская этика любви и сострадания. Хотя следует оговориться, что кантовский императив никогда и не был жизненной нормой. Даже Евангелие, излучающее свет, уже два тысячелетия остро нуждается в готовности людей воспринять этот свет. Данная проблема стоит особенно остро для нынешнего «постхристианского» мира. По-прежнему справедливо суждение М. Шелера, отметившего, что существуют естественнонаучная, философская и теологическая антропология, которым нет дела друг до друга, и поэтому «единой идеи человека у нас нет» [5, с. 32].

Сегодня в условиях постклассической философии, когда в отличие от прежних грандиозных философских систем И. Канта, Г. Гегеля, Вл. Соловьева философские построения исходят из одного понятия или метакатегории, одним из таких понятий яв-

ляется достоинство человека, на котором основаны как личный выбор, так и сохранение своего образа в современном глобальном мире, национальная и личностная идентификация. Поэтому категория достоинства приобретает ныне метаэтический характер. Проблематика достоинства способна соединить разорванные части нашего существования. Подобные попытки предпринимались в XX веке, когда в 1948 году достоинство было признано одним из основополагающих неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека, что было зафиксировано как во Всеобщей декларации прав человека, так и в нынешней Конституции России, принятой в 1993 году. Об этом свидетельствует одна из энциклик Папы Иоанна Павла Второго, непосредственно посвященная человеческому достоинству.

Проблема достоинства жизненно важна для любого человека. Данная проблематика затрагивает само его существование. В жизни каждого бывают ситуации, когда человек задает себе мучительный вопрос: способен ли я остаться человеком или превращусь в подавленное и униженное существо, ведущее жалкое существование? Подобную ситуацию, когда человек оказывается перед лицом страдания и страха, мы называем предельной. Нам могут возразить: жизнь состоит не из одних лишь предельных ситуаций, в обыденной жизни человек может просто не задумываться о своем достоинстве. Но и в условиях обыденной жизни, основу которой составляют труд и заботы о близких людях, человек рано или поздно задумывается над тем, насколько достойным сыном, отцом, другом, профессионалом, наконец, человеком он является.

Вопрос «Кто я?» встает перед каждым человеком, и в основе его содержания лежит проблема: «являюсь ли я достойным человеком?». Никому не дано пройти мимо мучительного вопроса «что он весит на весах бытия?», по выражению И.А. Ильина. Следует отметить, что радикальная постановка данного вопроса — либо достоинство, либо ничтожество, либо честь, либо бесчестие — возможна лишь в ситуации поступка, действия, превышающего инстинкт самосохранения. Пространство поступка существует на

войне, в иной ситуации испытания и боли. Здесь одно из двух: стойкость или малодушие, верность или отречение. В ситуации же повседневности и даже в предельной ситуации, если поступок не является завершенным и окончательным, когда уже ничего нельзя изменить, имеются полутона и оттенки достойного и недостойного. Мужество негативно конституируется страхом. Греки выделяли три позиции в отношении страха: собственно мужество есть добродетель между двумя недостатками — трусостью и безудержной отвагой. Соответственно существуют три уровня человека: герой, раб, человек «золотой середины» (П.А. Сапронов). В мире Традиции люди в принципе не равны в своем достоинстве. Брахман, кшатрий, вайшья, шудра — это разные уровни иерархии достоинства, причем шудра находится на грани между достоинством и ничтожеством. Отверженные же — за гранью. Во времена Средневековья достоинство рыцаря выше купеческого: лишь у рыцаря честь, у купца же — честность. В ситуации повседневности есть достоинство труженика, но достоинство доблести выше достоинства труда.

В современном же мире за каждым человеком закреплено право на равное достоинство. Поэтому, с одной стороны, признано право на уважение за «нищими духом». Общество мобильно, высокого статуса можно достичь с любой позиции. Важен личный успех, а не право рождения. Но традиционная средневековая иерархия «крест, меч и золото» (А.Л. Казин) сменилась стратификационной моделью, в которой святость маргинальна, а ловкость, изворотливость оказались «выше» доблести: буржуа оттеснил офицера. С точки зрения Традиции большинство членов современного общества заслуживают статуса «неприкасаемых». Неравенство ныне питается недуховными истоками. Поэтому современная стратификация не иерархия, современная же элита не аристократия. Сегодня люди также не равны в своем достоинстве. Главным критерием личностной значимости стали деньги. Именно девальвация высших уровней достоинства человека является основной характеристикой кризиса современного мира.

Желание жить спокойно и благополучно может заставить человека смириться с унижением достоинства, но чувство боли все равно будет жить в глубине его души, и до конца его жизни в нем не умрет потребность духовно выпрямиться во весь свой человеческий рост, так как потребность в уважении со стороны других и в самоуважении — фундаментальная психологическая потребность человека. Данная потребность относится к высшим духовным потребностям. Это потребность человеческой души, на которую падает отблеск божественного огня. Это потребность духа, средоточия души, ее «Кремля», высшего начала в человеке, причастного к Абсолюту. В этом смысле достоинство есть присутствие божественного в человеке.

Дух в полной мере проявляет себя в жизненных испытаниях, поэтому достоинство человека в подлинном смысле этого слова обнаруживается в предельной ситуации. Такая ситуация — не случайный жизненный эпизод. Даже в мгновения человек проявляется полностью. Даже подвиг может совершиться естественно и легко, подобно падению созревшего плода, если он подготовлен всей предшествующей жизнью (А.И. Солженицын). То, как человек прожил время, предшествующее поступку, подобно карме, предопределяет сам поступок. Детерминация бывает негативной, если в предшествующем жизненном опыте были унижение и позор. Хаджи-Мурат в минуты наибольшей опасности вспоминал свое бегство в самом первом бою. Его делало бесстрашным воспоминание о своем страхе и последующем позоре.

Но не только ситуация может быть предельной. В жизни такая ситуация может и не возникнуть. Но в метафизическом смысле предельна сама жизнь как таковая. Жизнь устремлена к своему пределу. Достойное бытие — это «жизнь на краю и стояние над бездной» (В.И. Чернышев). Жизнь самого благополучного человека устремлена к небытию. Бытие есть бытие-к-смерти. Бытие только тогда и есть бытие, когда оно выдвинуто в Ничто (М. Хайдеггер). Полнота бытия, наивысшее проявление жизни присутствуют «у бездны мрачной на краю» (А.С. Пушкин).

Подобно горному восхождению, одно неверное движение, вызванное проявлением малодушия, может привести к тому, что человек оказывается на самом дне пропасти. Духовное падение можно уподобить и ситуации, когда человека засасывает болотная трясина: погружение в нее может поначалу казаться приятным, но до тех пор, пока не поймешь, что выбраться уже почти невозможно. Достоинство человека действительно можно уподобить стоянию над бездной, когда все стихии мира и собственные малодушие, безволие и трусость пытаются обрушить вас в нее, и лишь человеческий дух помогает выстоять. Еще более трудно усилие духа, заставляющее человека вновь подняться и идти, если падение все же состоялось. Значит, наряду с необходимостью выявления понятия достоинства перед нами одновременно во всей своей остроте встает вопрос: «Есть ли достоинство?». Иными словами, структура вопроса о достоинстве предполагает не только дефиницию предмета, но и проблематизацию его существования. Достоинство героя безусловно: доказательство тому — героическая традиция в истории. Неоспоримо достоинство воина: есть традиция воинской доблести. Бесспорно достоинство мученика: существует традиция жертвенного подвига. Но есть ли достоинство человека как такового на основании того, что есть предельное самопреодоление немногих? Может быть, достоинство немногих — исключение из правила, согласно которому достоинства человека в принципе нет? Вспомним западную патристику: человек слаб. В мире Традиции шудры были большинством населения Индии. Возможно ли для человека противостояние страху боли и страху смерти или человек сохраняет достоинство, пока ему это позволяют обстоятельства? Жизненные испытания могут не иметь предела. Это показал, в частности, в своей антропологии Колымы В. Шаламов. Имеет ли предел противостоящий испытаниям человеческий дух? Таким образом, можно проблематизировать само существование достоинства.

Проблема заострена до антиномичности. Сформулируем две противоположные позиции:

1. Достоинства человека нет. Инстинкт самосохранения, страх боли и страх смерти в принципе сильнее потребности не потерять лицо. Главное — выжить любой ценой. Воля к жизни сильнее воли к достоинству. При столкновении базовых потребностей человека в безопасности, с одной стороны, и в уважении, с другой, доминирует более «низкая» с точки зрения иерархии потребностей (А. Маслоу). Более «низкая» потребность более укоренена в витальности, в инстинкте. Если речь и не идет о смерти, то остается страх лишений и нужды, страх нищеты — такова цена достойного бытия в столкновении с «сильными мира сего». Даже в пространстве благополучной повседневности покой предпочтительнее борьбы и необходимости хотя и небольшого, но постоянного самопреодоления, которое составляет сущность достоинства.

Пространство достойного бытия, свобода есть величайший дар человеку, но, как показывает Ф.М. Достоевский в «Поэме о Великом Инквизиторе», это и слишком тяжелое бремя. Достоинство взыскует несения креста. «Честь всего превыше», но вспомним Пушкина:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

2. Достоинство человека есть. В культуре издревле существует принцип, сформулированный Аристотелем: «Честь — героям, позор — трусам». Боль страха смерти уравновешивается болью страха быть ничтожеством. Тяжелее муки для разумного человека нет. Еще сильнее публичное переживание ничтожества в виде зрелища, что этимологически и есть позор. Это дно падения человека. Но есть еще и бездна — чувство и осознание самоосквернения. Бездной по отношению к ничтожеству является ситуация проклятия. Рылеевский Сусанин говорит ляхам: «Предателя, мнили, во мне вы нашли. Их нет и не будет на Русской земли. Здесь каждый Отчизну с младенчества любит и душу изменой свою не погубит». Мать «хладно отвернула взор» от трупа сына в поэме М.Ю. Лермонтова «Беглец». В германском героиче-

ском мифе герой попадал в Валгаллу, а трус исчезал в небытии. Императив самопреодоления, превосходения своего естества, жаждущего безопасности и покоя, есть во всех сакральных традициях. Страх ничтожества и позора актуализирует стыд. Человек стыдится низшего в себе, что служит основанием для преодоления низшего и стремления к высшему. Страх самоосквернения и проклятия — это актуализация совести, Божьего присутствия в душе, которое несовместимо с падением человека. В ситуации падения ощущается богооставленность, переживаемая как проклятие. Последнее и есть начало бесконечных адских мук.

Акт самопреодоления по существу одинаков и на войне, и в ситуации мира. Обыденность и даже сладость повседневности не отменяют ситуации человеческого бытия как бытия-к-смерти. Человеческий разум конституируется именно тогда, когда человек вглядывается в ужас собственной смерти. По Гегелю, лишь переживание ужаса смерти создает Господина. Страх смерти и страх боли конституируют достоинство.

Что такое достоинство? Существует распространённое суждение, определяющее достоинство как красивую, благородную позу, которую принимает человек в момент опасности. Достоинство понимается как способность к эффектному жесту в предельной ситуации. В этом смысле можно говорить о метафизике пощечины (В.В. Савчук). Подобный подход приближает нас к ответу на поставленный вопрос, но при этом ускользает от понимания главного содержания нашего предмета.

Что является основанием достоинства? Существует фундаментальная психологическая потребность человека в самоуважении и в уважении со стороны других. Поэтому достоинство можно отождествить с самоуважением. Человеку необходимо иметь позитивный образ собственного «Я». Не случаен поэтому типичный вопрос русского человека к своему собеседнику в расслабленно-доверительном состоянии: «Ты меня уважаешь?». Особенно остро данная потребность осознается в ситуации унижения. Чувство самоуважения — внутренний, субъективный фактор содержания достоинства.

Своим основанием самоуважение имеет высокую самооценку. Роль последней показал еще Аристотель. По его мнению, великодушным является тот, кто не только достоин великого, но и оценивает себя соответствующим образом. С точки зрения Ч. Кули, самооценка личности во многом формируется ее оценкой со стороны других. Именно в этом смысл теории «зеркального Я»: я, как в зеркало, смотрю в других людей, и моя самооценка предопределена тем, как они оценивают меня. На это можно возразить, что человек сильный и самостоятельный может заставить окружающих видеть себя таким, каким он сам видит и оценивает себя: если человек уважает себя, то и его будут уважать. Но даже такой человек не может полностью игнорировать мнение окружающих. Достаточно вспомнить пушкинского Онегина: «И вот общественное мнение — пружина чести, наш кумир. И вот на чем вертится мир». В данном случае Онегин, «всем сердцем юношу любя», все же вышел на поединок и убил друга.

В чем же сходство достоинства и чести и в чем разница между ними? Честь и достоинство тождественны в смысле самопреодоления, поступка, нравственным содержанием которого является самообуздание. Честь и достоинство — иерархия души, т. е. власть духа, высшего начала над страхом, унынием, иными слабостями. «Иерархия» этимологически есть «власть священного». Таковым является дух по отношению к душе и телу. Победа низшего начала уничтожает иерархию. Но если достоинство — это самопреодоление в предстоянии Абсолюту, необходимость быть достойным своего Абсолюта, в этом смысле в сакральных традициях человек уподобляется своему Абсолюту. Более того, не только достоинство предстоящего, но и сам Абсолют негативно конституируется страхом: «Бог есть боль страха смерти», — говорит Кириллов в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского. Великая боль и великий страх порождают Абсолют. Последний в христианстве есть жертвенная любовь к человеку, но это любовь, требующая от человека самоотверженности, в пределе — самопожертвования. Исходная слабость человека рождает идею Бога. Но Абсолют тре-

бует от человека преодолеть свое слабое естество. Духовная сила рождается и укрепляется в этом преодолении. Значит, в сакральной традиции достоинство человека конституируется как предстояние Абсолюту. В революционной традиции на место предстояния пришло противостояние Абсолюту. Последний трансформировался в идею абсолютного служения Революции. В наши дни речь идет скорее о равнодушном безразличии к сакральному в благополучных странах. Но, может быть, правы те, кто предсказывает возвращение богов. В разных традициях — разные пути. Но все они сходятся на вершине. Человек преодолевает себя, осуществляя нравственное усилие. Даос, мусульманин, христианин имеют разные источники вдохновения. Но духовная вертикаль между возвышенным и низменным существует во всех традициях. Везде дух преодолевает страх и боль. Победа духа универсальна. Но и поражение, падение универсально тоже. В разных традициях достоинства универсальны вершина и бездна. Середина, основная часть в разных традициях разная.

Честь есть самопреодоление, ориентированное на людской суд. Что подумают, что скажут, что будут помнить о человеке. Я берегу в себе высокую оценку Другого. Это и есть честь в смысле *honor* (англ. — почет) У В.И. Даля понятие чести иное — «внутреннее нравственное достоинство». С точки зрения ведущего пушкиниста В.С. Непомящего, в этом состоит особенность русского понимания чести в отличие от западного. Там, где на Западе честь, в России скорее святость (Н.А. Бердяев). Более жестко сформулировал К.Н. Леонтьев: русский может быть святым, но честным — никогда.

Но на чем, в свою очередь, основана самооценка? Человек стремится быть кем-то, т. е. к значимости, более всего страшась быть ничтожеством.

В традиционном обществе унижением для человека являлась его неспособность соответствовать своему социальному статусу. В современном мире унижен тот, кто не достигает желанной социальной значимости. Подобную опасность выявил П.Я. Чаадаев: «Для существа разумного нет муки тяже-

лее ничтожества». У. Джеймс полагал, что трудно придумать более дьявольское наказание, чем полностью лишить человека внимания со стороны других людей [3, с. 63]. Наконец, безграничны возможности для унижения человеческого достоинства со стороны власти, силы и богатства.

Нам могут возразить: философская антропология полагает, что потребность в уважении и самоуважении является исключительно потребностью, присущей современному человеку. Если достоинство не признается культурой в качестве ценности, если оно не культивируется в обществе, то оно не существует. Раб, чандала не ценили в себе человеческое начало, поэтому для них не существовало унижения: они были лишены духа, который мог бы быть унижен. Действительно, человек может быть задавлен до такой степени, что не способен воспринять унижение как унижение. Недалекое прошлое: опыт Освенцима и ГУЛАГа, бесчеловечные законы преступного мира дают этому новое подтверждение. Но почему же вся история мира есть история восстаний рабов, крестьянских бунтов, наконец, революций? Почему народ стремится сбросить иноземное иго? Почему люди, над достоинством которых было совершено надругательство, устраивают кровавую расправу над обидчиками? Унижение изначально присутствует в культуре, поэтому достоинство человека не может конституироваться иначе, чем как сопротивление унижению.

Пока человек не сказал своего последнего слова, можно говорить о диалектике унижения и достоинства. Духовная сила может превратиться в бессилие. Достоинство всегда рискует быть униженным. Человек есть «натянутый канат между обезьяной и сверхчеловеком». Ф. Ницше остро и трагично ощущал трудность самопреодоления: «Человек есть то, что должно преодолеть». Но эта задача трудна. Напротив, человек легко может быть раздавлен, как чиновник Мармеладов у Ф.М. Достоевского, как Карандышев у А.Н. Островского. Есть разные варианты и разные степени унижения. Можно говорить не только об утраченном, но и о растоптанном достоинстве. Есть и реакция растоптанного достоинства — поступок

того же Карандышева. Достоинство часто рассматривается как способность к поступку — мести за обиду.

Но унижение даже на дне, даже в ситуации бездны сохраняет возможность восстановления попранного достоинства. С христианской точки зрения таков путь человека. Изначальный первородный грех есть отказ от усилия, самопреодоления, борьбы, жертвы. Взять яблоко с древа познания для ветхого Адама — это заведомо легкий и поэтому недостойный путь получения сакрального знания. «Хочу быть как боги, но не хочу усилия». Поэтому воля Бога — возвращение человека на путь усилия, труда, борьбы, страдания. Без свободного выбора человека и воля Господа не осуществится. Человек до конца времен будет преодолевать первородный грех, восстанавливая утраченное царственное достоинство. Таков путь героя фильма «Остров»: вся жизнь — мучительное искупление малодушного предательства и убийства (последнего, как впоследствии выяснилось, не было). В итоге герой спокойно встречает смерть, обретая веру и силу. В православном смысле: «Те, кто возвышены, унижены будут. А униженные — возвысятся».

Достоинство — единство и борьба величия и низости, духа и страха, значимости и ничтожности, силы и слабости.

Достоинство есть инициатическое рождение нового качества человека. Качество рождается из муки (Я. Беме). Личность есть страдание и боль (Н.А. Бердяев). Русская победа есть преодоленная беда.

Достоинство человека — отрицание отрицания. Изначальное достоинство отрицается страхом смерти и страхом боли. В самопреодолении побеждается и ужас реального, и реальный ужас. Отрицая страх, человек возвращается к изначальному достоинству, но уже на новом уровне.

Потребность в уважении со стороны других и в самоуважении — базовая человеческая потребность. Каждому человеку необходимо иметь позитивный образ собственного «Я». В человеке нечто вскипает, когда он подвергается унижению, грубому давлению. Это нечто и есть его внутренняя свобода, способность внутреннего само-

определения, которая проявляется наиболее ярко при угрозе покушения на нее. Такова уж человеческая природа, что на унижение человек реагирует кровопролитием, которое нередко превращается в кровопролитие. Защитить свое достоинство — значит суметь ответить словом и действием другому, сказав: «Нет, существует предел, который я Вам не позволю переступить». Это «нет» утверждает существование некоего предела, за которым находится священная область, не допускающая посягательств на нее. Эта священная область и есть достоинство человека. Когда человек своим поступком отрицает страх, убогое и жалкое существование, он преодолевает свое ничтожество и утверждает достоинство.

Следовательно, достоинство человека — это осознание своей значимости: духовной, социальной и культурной. Значимость человека, его статус есть объективный фактор содержания достоинства. Именно на этом основано его самоуважение. Уважение со стороны других также основано на том, что человек что-то значит в этом мире. Таким образом, чувство самоуважения — субъективность, имеющая своим основанием определенную объективность.

С точки зрения современного исследователя, человек достигает общественного признания, обретая в первую очередь социальную значимость, у которой можно выделить следующие модусы: святость (праведность, духовность), знание (информация), героизм, слава (популярность, известность), мастерство (профессионализм), власть, богатство (капитал, состояние) [4, с. 159]. Средства обретения социальной значимости — труд, творчество и война. Соответственно можно говорить о трех видах пространства, в которых человек проявляет себя: пространстве обыденной ситуации и повседневности, пространстве предельной ситуации и пространстве запредельной ситуации (испытания превышают обычные человеческие силы — пытки, блокада, Колыма).

Человек, добившийся социальной значимости в пространстве повседневности, по праву пользуется уважением, но все-таки истинным мерилом человеческой значимости является ситуация предельная: между

жизнью и смертью, когда человек противостоит страху и боли. Ситуация повседневности неожиданно сменяется предельной ситуацией в условиях именно русского бытия, часто развенчивая достоинство человека, которое формируется в условиях мира и покоя. Достоинство повседневности, которому ничто не угрожает, при покушении на него оборачивается симулякром, псевдодостоинством. В современном мире в ситуации повседневности мы имеем скорее кажимость достоинства. Кажимость рассыпается в столкновении со страхом смерти и страхом боли. В этом трагедия, например войны. Но все-таки прав А.И. Солженицын: подвиг легче всего дается, если он подготовлен всей предшествующей жизнью человека. Поэтому человек, достойно ведущий себя в условиях мира, скорее всего останется таковым и в ситуации бедствия. Итак, в ситуации повседневности часто еще нет проблемы достоинства. Оно есть нечто само собой разумеющееся. В запредельной ситуации уже нет проблемы достоинства, данная категория здесь не работает, физиология побеждает дух: лишь герой-мученик преодолевает запредельное. Следовательно, проблема достоинства встает в предельной ситуации.

Итак, быть уважаемым и уважать себя хочет каждый человек, это заложено в человеческой природе. Но уважают достойных людей, а быть достойным человеком трудно. Личность есть страдание и боль. Путь достоинства предполагает преодоление страха.

Выбирающий этот путь совершает свободный и осознанный нравственный выбор между достойным и недостойным. Это происходит в самом начале жизненного пути, когда возникает человеческое «Я». Это «Я» является субъектом достоинства. Но ситуация выбора повторяется вновь и вновь в предельной ситуации в течение всей жизни. Поэтому достоинство человека — это нравственная позиция: принять на себя удар всех стихий мира. Это самоопределение человека, которое осуществляется на основании свободного выбора. Но после того, как жребий брошен, свобода обращается в свою противоположность. Достоинство превращается в «жезл и посох», которые властно ведут человека за собой. Достоинство есть иго и бре-

мя, и путь достоинства есть несение креста. Именно в этом смысле Лермонтов сказал о Пушкине: «Погиб поэт! — невольник чести...». Человек чести свободен более других. Но его неволит собственная свобода. Она не позволяет ему совершить недостойное.

Как человек реализует себя? Возможно, существительное «достоинство» произошло от глагола «стоять» и означает, что человек стоит в нравственном смысле, «что он весит на весах бытия». Но как выявить, что человек стоит? И здесь возникает *идея соответствия* образа человека. Обобщенному Другому, т. е. нормам и ценностям социальной группы, с которой он себя соотносит, и Значимому Другому, т. е. авторитетной личности, чье мнение во многом формирует самооценку данного человека. Современная этика определяет достоинство человека как характеристику «человека с точки зрения собственной ценности, *соответствия* собственному предназначению» [6, с. 126]. Согласно теории «зеркального Я» Кули, самооценка человека будет позитивной, если его позитивно оценивают окружающие. Но для этого необходимо соответствие образа человека личностному образцу, принятому в данной культуре.

Идея соответствия особенно важна для традиционной культуры. Человек является дворянином от рождения, но его жизненная задача — соответствовать своими поступками высокому сословному статусу, быть достойным его. Идея соответствия особенно значима в духовной традиции Востока. Она выражается в следующей формуле Конфуция: «Государь должен быть государем, са-

новник — сановником, отец — отцом, сын — сыном». Важнейшие архетипические образы сохраняются и в современной культуре. К таковым относится образ мужчины. Это древний архетип, которому соответствует образ защитника, воина, добытчика, кормильца, отца. Ситуация унижения как раз и возникает тогда, когда данного соответствия достичь не удастся. Для этого необходимо проявить себя, т. е. необходим поступок. Достоинство — способность к поступку, т. е. к действию, превышающему инстинкт самосохранения и базовую человеческую потребность в безопасности. В этом смысле оно тождественно пассионарности, как ее понимал Л.Н. Гумилев. Высшая форма поступка — подвиг. Таким образом, достоинство человека несет в себе героическое начало.

Достоинство есть самоуважение, основанное на высокой самооценке, которая, в свою очередь, возможна при условии достижения человеком определенной значимости: социальной, культурной, духовной. Значимость же достигается прежде всего поступком, поэтому достоинство — это способность к поступку. Но сущность поступка заключается в духовном усилии, совершаемом человеком. При этом высшее начало в человеке, дух преодолевает начала низшие. Предельной же является ситуация преодоления страха боли и страха смерти. Именно поэтому достоинство есть предстояние. Цель нравственного усилия — утверждение иерархии человека. Кредо достоинства: оставаться человеком в любой ситуации, несмотря ни на какие испытания, могущие быть запредельными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Этика [Текст] / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Минск: Литература, 1998. — 1392 с.
2. Бердяев, Н.А. Опыт парадоксальной этики [Текст] / Н.А. Бердяев; сост. и вступ. ст. В.И. Калужного. — М.: Аст; Харьков: Фолио, 2003. — 436 с.
3. Джеймс, У. Личность [Текст] / У. Джеймс // Психология личности; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. — М., 1982. — 362 с.
4. Смирнов, П.И. Социология личности [Текст] / П.И. Смирнов. — СПб.: Изд-во Ковалевского, 2001. — 380 с.
5. Шелер, М. Положение человека в Космосе [Текст] / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — 378 с.
6. Этика [Текст]: энциклопед. словарь. — М., 2001. — 688 с.